

ПОЛЕМОГЕННАЯ ВОЛНА РЕВОЛЮЦИЙ 1917–1927 гг. КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Николай Сергеевич Розов

*Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирский государственный университет;
Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 17 августа 2017 <i>Принята к печати:</i> 19 декабря 2017</p>	<p>Аннотация: В полемогенных волнах революций главной связью между ними является участие соответствующих государств в общей войне. Яркий случай полемогенной волны, вызванной Первой мировой войной, включает успешные революции (со сменой власти) в России, Германии, Венгрии, успех национально-освободительных движений ирландцев, чехов, словаков, южных славян, поляков, финнов, поражение таких движений среди украинцев, грузин, армян, народов Туркестана, установление режимов разных типов и с разной устойчивостью. В статье представлен подход к выявлению причин разного типа динамики и последствий революционных событий в полемогенных волнах. Подход включает сравнения по методам сходства и различия, а также применение бинаризации и Булевой алгебры по методу Ч. Рэгина. Применение этого подхода позволяет выдвинуть гипотезы о причинах и закономерностях революционной динамики и последствий революций в полемогенной волне: чем определяются включение в волну, уровень лояльности этнических провинций по отношению к империи, успех и провал революций, наличие и отсутствие гражданской войны, отношение между революцией и религией, характер и судьба культурного авангарда</p>
<p>Об авторе: д. филос. н., профессор; ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН; и.о. заведующего кафедрой социальной философии и политологии, Новосибирский государственный университет; профессор, кафедра международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет e-mail: nrozov@gmail.com</p>	<p><i>Исследование выполнено при поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ, проект 16-03-00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ»</i></p>

Полемогенные волны – частный случай революционных волн в мировой истории

Полемогенные волны (от греч. Πόλεμος – война и Γέννηση – рождение) являются типом *революционных волн*¹, в которых протесты, кризисы, смены власти в государствах

¹ Katz, M. *Revolutions and Revolutionary Waves*. Palgrave Macmillan, 1999; Beck, C.J. *The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contentment // Social Science History*, 2011, Vol. 35(2), pp. 167-207.

вызваны, прежде всего, их участием в общей войне.

Очевидная специфика полемогенных волн состоит в гораздо большей роли армий, внешних вооруженных сил, вооруженного насилия, геополитических интересов и сдвигов, по сравнению с другими типами волн революций. Вместе с тем, отнюдь не все участвующие в войнах общества переживают революционные события, не во всех государствах, даже проигрывающих войну, революции достигают успеха и сме-

няют власть. Даже если это происходит, то тип постреволюционных режимов бывает очень разным. Все это говорит о том, что война в разной мере усугубляет уже назревшие социально-экономические, классовые, этнические, конфессиональные и прочие напряжения, дисбалансы и противоречия. Специфика накопленных напряжений, характер участия в войне, ситуация во внешней и внутренней геополитике (с соседними державами и внутренними провинциями), а также расстановка политических сил, их поддержка армиями, вооруженными отрядами, авторитетными лидерами, группами населения – все это влияет на разнообразие динамики и последствий революций в полемогенных волнах.

Таким образом, полемогенные волны являются также *структурными волнами* (есть базовые невоенные факторы, ослабляющие подверженные революции государства). Полемогенные волны пересекаются с *домино-волнами*, когда революция в одном обществе возникает под сильным эмоциональным воздействием революции в соседнем или высокореферентном обществе, с *идейными волнами*, когда революции соединяются экспортом и импортом лозунгов, политических ценностей, идеалов, программ и с *наведенными (индуцированными) волнами*, когда эмиссары из одного революционного общества приезжают для инструктирования революций в другом обществе и/или происходит обратное движение революционных «паломников»².

Вторая красная волна революций и ее последствия: временные рамки и состав

Первая красная волна революций после Русской революции 1905 г. включала революцию младотурков в Османской империи (1908 г.), Мексиканскую революцию (начав-

шуюся в 1910 г.), Синьхайскую революцию в Китае (с 1911 г.).

В данной работе речь пойдет о второй красной волне революций и их последствий 1917–1927 гг. Волна вызвана, в первую очередь, Первой мировой войной, то есть относится к полемогенному типу.

Крушение монархии в Российской империи в феврале-марте 1917 г. – ясная начальная граница периода. Начавшиеся раньше революции в Китае и Мексике получили не только значимый импульс влияния революционных событий в России, но их динамика во многом была связана с Мировой войной, занятостью в ней великих держав, их интересами, геополитическими угрозами и возможностями, поэтому данные революции являются неотъемлемой частью полемогенной волны.

В качестве завершения выбран 1927 год, но не столько из-за круглой цифры (декада), сколько потому, что в этом году (или близко рядом) уже более или менее завершились послевоенные и послереволюционные процессы, а также произошли события, открывающие явно новый исторический этап.

Что же произошло именно в 1927 году?

В России устранена угроза реставрации – ликвидация лидеров военного белоэмигрантского движения, что привело к общей деморализации и распаду Русского общевосточного союза. В самом СССР разгромлена «оппозиция» (фактически – ленинская элита): Троцкий, Зиновьев, Каменев, Пятаков, Радек исключены из ВКП(б), после чего уже неуклонно укреплялась власть Сталина. Разработаны первый пятилетний план и программа коллективизации.

Союзники прекратили военный контроль над Германией, Гитлер издал вторую часть книги «Майн Кампф». Президент Гинденбург публично отверг вину Германии за развязывание Первой мировой войны. Фактически начался подъем национал-социализма.

Также в Австрии набирает силу национал-социализм, происходят первые кровавые столкновения нацистов с рабочими. Во Франции наблюдается подъем фашистского движения, основана лига «Огненные кресты». В Италии убедительно

² Розов Н.С. Революционные волны в мировой истории: динамические модели роста и угасания // ЭКО. – 2016. – № 10. – С. 78-95. (Rozov, Nikolai S. Revolyucionnie volni v mirovoy istorii: dinamicheskie modeli rosta i ugasaniya (Revolutionary Waves in the World History: Dynamic Models of Growth and Extinction) // ECO, 2016, No. 10, pp. 78-95.]

побеждает фашизм при лидерстве Муссолини, самораспустилась противостоявшая фашизму Всеобщая конфедерация труда. Изложены принципы фашистского корпоративизма, возвращена смертная казнь.

Из Венгрии выведены союзные войска. Авторитарный режим Хорти получает полную властную монополию. Также в Турции полновластие получает Народная партия Кемалю.

В Ирландии сменился порядок назначения генерал-губернатора. Если ранее он назначался королем по представлению британского правительства, то в том же году исключительное право представления кандидатов получил Исполнительный совет Ирландии. Фактически завершился переход к независимости.

В Китае к власти пришел лидер Гоминьдана Чан Кайши – завершился большой этап Китайской революции. Гоминьдан разрывает отношения с СССР. В тот же год с Наньчанского восстания начинается война КПК против Гоминьдана.

В Мексике после радикальной реформы 1926 г., направленной против церкви, священники в знак протеста прекращают службы и начинается восстание *кристерос*, которое привело к большому кровопролитию и было подавлено только в 1929 г.

Затруднительно указать четкий список составляющих данной полемогенной волны по двум причинам.

Во-первых, многие государства – участники войны – были полиэтническими империями (Российская, Османская, Британская, Австро-Венгрия), даже Франция с Корсикой не может считаться однозначно моноэтнической. В этих случаях неправомерно считать общества равновеликими государствам. В таких империях провинции, которые были достаточно автономными, территориально отдаленными от центра, имеющими этническую и конфессиональную специфику, фактически являлись отдельными обществами: как Ирландия и Индия в Британской империи, как Западная Украина, Грузия, Армения, Туркестан, Финляндия, Польша в Российской империи, как Венгрия, Бессарабия, южно-славянские провинции в Австрийской империи, как Западная Армения, греческая

Каппадокия, арабские территории в Османской империи.

В военный период практически во всех этих внутренних обществах имели место волнения той или иной интенсивности, в некоторых происходили успешные или провалившиеся национально-освободительные (сепаратистские) восстания, которые никак не отделить от полемогенной волны революций. Но что читать обществом – вопрос отнюдь непростой в данной ситуации. Южная и Северная Ирландия до отделения первой – это одно общества или два? Сколько обществ было в Туркестане (позже названном «Средней Азией»)? Арабы под османской властью, впоследствии весьма произвольно поделенные на разные государства, сколько обществ тогда составляли? Вряд ли вообще возможны однозначные ответы на такие вопросы.

Во-вторых, некорректно ограничивать анализ революционной волны только «успешными» революциями (со свержением прежней власти), революционные события с провалами, уступками и замирением, сложными перипетиями удач и поражений, захватов и освобождений также являются неотъемлемыми составляющими волны. Но в таком случае крайне затруднительно, если вообще возможно, установить единый общий критерий для разделения того, какие явления социальной нестабильности считать принадлежащими революционной волне, а какие – нет.

Поэтому приведенный ниже список обществ и революционных событий изначально условен, отнюдь не претендует на полноту. В него включаются только те явления, которые представляются наиболее значительными для других явлений полемогенной волны революций и их последствий 1917–1927 гг., а также для последующих процессов и событий в государствах, образовавшихся по результатам этой волны и Первой мировой войны.

Государства, общества и революции полемогенной волны 1917–1920 гг.

Российская империя:

– Февральская революция, захват власти большевиками, Гражданская война в

Центральной России, на Урале, в Сибири; новая экономическая политика и ее свертывание;

– революционные и военные события в Финляндии, Курляндии, Лифляндии, Эстляндии, Украине, Бессарабии, Закавказье, Туркестане; большевизация одних провинций и отделение других.

Германия:

– Ноябрьская революция (1918 г.), ее подавление и учреждение Веймарской республики.

Австро-Венгрия:

– Венгерская революция и ее подавление, установление режима Хорти;

– рабочие и социалистические движения, протесты в Австрии, – последующий подъем национал-социализма;

– военные и революционные события в Чехии, Словакии, обществах южных славян;

Британская империя:

– Советский Лимерик, национально-освободительная война и отделение Ирландии;

– Призывной кризис в Канадском Квебеке.

Османская империя

– военные и межэтнические конфликты начала войны.

– Кемалийская революция, государственная, национальная и культурная политика Кемаля Ататюрка.

Италия:

– «Красное двухлетие» (с массовым захватом рабочими фабрик), «Черное двухлетие» как начало подъема фашизма с последующим установлением режима Муссолини.

Мексика:

– завершение этапа Гражданской войны и принятие Конституции (1917 г.), восстание *кристерос* в защиту церкви (1926–1929 гг.).

Экспланандумы и подход к объяснению

Революционные процессы и их последствия являются сложнейшими и многогранными историческими явлениями, каждый аспект, характеристика которых может быть превращен в переменную и стать целью

объяснения – экспланандумом. Выбор экспланандумов всегда в большой мере субъективен и произволен, обычно он определяется исследовательской модой, актуальностью переменных для современной ситуации, а также личными предпочтениями ученого.

Революции принято оценивать по успешности, а также по уровню насилия (бескровные революции предпочтительней кровавых) и по результатам: достигнут ли суверенитет, насколько демократичен или авторитарен постреволюционный режим, насколько он устойчив или хрупок, признан ли он международным сообществом³.

В основе данного исследовательского подхода лежит историческое сравнение, относящееся к типу «макросоциальный анализ» с выдвижением и проверкой гипотез и «сравнениям, выделяющим вариации», где одновременно учитывается множественность форм и множественность аспектов изменений. Причины и условия революционных процессов многофакторны, но составление единого списка факторов крайне затруднительно, если вообще целесообразно.

Обычный подход учета максимального числа количественных факторов и проведение корреляций не релевантен по многим причинам, обсуждение которых здесь излишне. Нужны факторы, влияние которых было сильным или даже определяющим хотя бы для двух или нескольких случаев революций. Для их обнаружения целесообразно использовать классические методы Бэкона-Милля, прежде всего, *метод единственного сходства* (что общего между весьма различными явлениями, которые привели к сходным результатам?) и *метод единственного различия* (что отличает весьма схожие явления с кардинально различными результатами?), *объединенный метод*

³ Katz, M. *Revolutions and Revolutionary Waves*. Palgrave Macmillan, 1999; Дэвис Н. История Европы. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005; Davis, Norman. *Europe: A History*. Oxford University Press, 1996; Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. – 2006. – № 5. – С. 58-103; Goldstone, Jack A. *Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory* // *Annual Review of Political Science*, 2001, No. 4. Pp. 139-187.

сходства и различия, а также его уточнение с помощью аппарата Булевой алгебры по методу Ч. Рэгина⁴.

Кого захватывает полемогенная волна

Рассмотрим случаи Италии и Франции. Обе воевали на стороне Антанты. Несмотря на наличие сильных и популярных социально-демократических (марксистских, близких к коммунистическим), анархо-синдикалистских, трудовых и прочих левых движений, в военное время обе страны не переживали существенных социально-политических кризисов, несмотря на тяжелое экономическое положение, случавшиеся поражения и пример Русской революции. Вероятно, в обоих случаях сыграл фактор общенациональной мобилизации (подобно российскому в 1914 – начале 1915 гг.), а также более развитые демократические институты в столицах и в провинциях.

В послевоенный период наблюдается уже существенное расхождение: относительно спокойная социально-политическая обстановка во Франции при бурных событиях в Италии: «Красное двухлетие» с массовым и многократным захватом рабочими фабрик, вооруженными стычками с полицией.

«В феврале 1920 г. в Сестри Поненте по инициативе профсоюза металлургов УСИ (*USI*, Союза синдикалистов Италии – прим. автора) произошел захват рабочи-

⁴ О логике использования методов Бэкона-Милля см. в работах: Разработка и апробация метода теоретической истории. Серия «Теоретическая история и макросоциология». Вып. 1. – Новосибирск: Наука, 2001. [Razrabotka i aprobaciya metoda teoreticheskoy istorii. Seriya 'Teoreticheskaya istoriya i makrosociologiya' (Development and Approbation of the Method of Theoretical History. A series of 'Theoretical History and Macrosociology'. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka, 2001.); Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы. – Новосибирск: НГУ, 2009. [Rozov, Nikolai S. Istoricheskaya makrosociologiya: metodologiya i metody (Historical Macrosociology: Methodology and Methods) Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2009; Ragin, Ch. Constructing Social Research. Pine Forge Press, 1994.

ми 15 фабрик. Захваты распространились на Дженовезато и Виареджо. На фабриках установилась организация в виде Советов, выполнявших волю внутренних общих собраний рабочих. В марте рабочие выступления охватили Турин и в апреле распространились на весь Пьемонт: в выступлениях участвовали батраки и рабочие. Произошли захваты фабрик в Неаполе. В июне в Анконе вспыхнуло народное восстание, когда при поддержке местной Палаты труда солдаты отказались отправляться воевать в Албанию. Развернулась настоящая городская партизанская война: солдаты и население сражались против полиции и правительственных гвардейцев. Выступление удалось подавить лишь ценой огромных усилий; 500 человек были арестованы».

Затем последовало «Черное двухлетие» с подъемом фашизма под руководством Муссолини, жестокой насильственной борьбой фашистов с синдикалистами и коммунистами, последующим уверенным шествием Муссолини к полной политической победе («поход на Рим»).

Метод единственного различия никогда не может быть строго применен на историческом материале по причине отсутствия периодов, явлений с полностью совпадающими признаками («кроме одного»). Однако сама логика данного метода полезна и применима.

Имело место множество важнейших и вполне релевантных проблеме сходств между послевоенными Францией и Италией: общая победа в войне, большие жертвы, значительный уровень классовой эксплуатации, альянс промышленников с правительством, развитость рабочего и левого движения, высокая популярность Русской революции, а затем и большевизма среди социал-демократических, коммунистических лидеров, паломничество левых лидеров Франции и Италии в Москву, в том числе, их участие во II конгрессе Коминтерна и принятие жестких ленинских «21 условия», последующее образование в 1920–1921 гг. коммунистических партий как результата раскола социалистов, подъем в 1920-е гг. настроений, родственных фашизму, с учреждением соответствующих организаций. Что же было различным?

Во-первых, международный конгресс проводился, и мирный договор заключался в Версале, то есть Франция выступала в роли хозяина действия и главного победителя. Такая роль всегда означает высокий международный престиж и, согласно закону Вебера, значительно повышает легитимность власти и режима. По контрасту, Италия, хоть и внесла сравнимый вклад в победу, понесла, как и Франция, весьма значительные жертвы, но не получила достойного международного признания⁵.

Во-вторых, более высокая социальная солидарность в послевоенной Франции сыграла дополнительную роль. Французское правительство, ощущая себя лидером держав-победительниц, весьма негативно относилось к Советской России, считая власть большевиков незаконной и недолговечной. Это было связано также с обилием в Париже высокопоставленных российских эмигрантов, активным участием Франции в т. н. «интервенции», в помощи Белому движению. По контрасту, низкая легитимность итальянского правительства среди рабочих сочеталась с надеждами на победившего в бывшей державе-союзице «первого государства рабочих и крестьян».

Попробуем обобщить выявленные на этих частных примерах дифференцирующие условия. При прочих сходных обстоятельствах в полемогенную волну скорее включатся те общества, в которых:

- нет международного престижа военной победы, лидерства в победе, обуславливающего легитимность власти и режима;
- нет обилия высокостатусной контрреволюционной эмиграции из потенциального общества-донора революции;
- нет активного участия в военных акциях против этого общества-донора.

⁵ «Италия значительно ослабила Центральные державы: австрийская армия была разбита в Италии. Однако союзники почти не заметили этой самоотверженности итальянцев, чем нанесли глубокую рану их гордости»: Дэвис Н. История Европы. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005 [Davis, N. Istorija Evropy (A History of Europe). Moscow: AST: Tranzitkniga, 2005]

Разная лояльность к Британской империи

Более простые причины, хотя, вероятно, не единственные, объясняют различия в отношении к военному призыву, в уровнях протеста и сепаратистских стремлениях. Рассмотрим эти различия на примере лояльности к Британской империи: между англоязычной Канадой и Квебеком, между северной и южной частями Ирландии.

Здесь очевидными факторами являются конфессиональная принадлежность элит и большинства населения (англиканство или католичество в обеих парах), господствующий язык (английский или иной: французский в Квебеке и ирландский в южной Ирландии), развитость собственных автономных органов управления и связанная со всеми этими обстоятельствами этническая, политическая идентичность («мы – апглоканадцы, но британские подданные», «мы живем в Ирландии, но остаемся британцами» или же «мы – квебекцы, франкоканадцы, а не британцы», «мы – ирландцы, а не англичане»).

Быть или не быть гражданской войне?

Самый негативный результат революции в плане гуманистических ценностей состоит в соскальзывании общества к кровопролитной гражданской войне. Почему в одних случаях она происходит, а в других – нет?

Будем понимать гражданскую войну в узком смысле — как войну внутри общества, с учетом того, что в империях с этническими провинциями – отдельными обществами – столкновения с ними центра (общества имперского хартленда) имеют иной характер, который можно называть «национально-освободительной войной» (как ирландцев против Британии, поляков, украинцев против Советской России, арабов против Турции как центра Османской империи) или подавлением сепаратизма – «восстановлением единства».

В рассматриваемый период Россия, Турция, Финляндия и Венгрия, Мексика пережили несчастье гражданской войны (причем, Мексика – дважды), а в Германии и Италии

вооруженное насилие не перешло границ мятежей и их подавления, репрессий, множественных стычек на политической почве. Пожалуй, две революции в России здесь следует считать двумя случаями: Февральская революция (Россия-1) отнюдь не вела к Гражданской войне, тогда как Октябрьский переворот вкупе с разгоном Учредительного собрания (Россия-2) сделали ее неизбежной.

Какие вероятные факторы обуславливают гражданскую войну? Этот тип войны имеет братоубийственный характер, т. е. связан с крайне высокими издержками не только материального, политического, но и морального плана. Между сторонами конфликта должны быть разногласия такого масштаба, что они уже не способны договориться и не желают этого. Вероятная причина состоит в занятии хотя бы одной стороной политической позиции настолько радикальной, что она совершенно не приемлема для другой стороны – настолько, что лидеры, организации, индивиды готовы убивать своих сограждан из-за этого. Назовем этот фактор *Неприемлемым радикализмом (R)*.

Гражданская война маловероятна, если властный центр, контролирующий административный аппарат государства, экономические элиты и достаточно лояльный аппарат принуждения солидарны между собой и находятся на одной стороне конфликта. Таков фактор *Административно-силовой консолидации (C)*. При такой консолидации даже широко распространенные протесты, мятежи, восстания обычно подавляются, хотя и не всегда.

Весьма специфическим является в данном аспекте случай с восстанием *кристерос* в Мексике (1926–1929 гг.). Здесь не восставшие, а правительство проявило неприемлемый для огромной части населения радикализм, запретив церковное образование, монастыри, отобрав земли у церкви, фактически запретив огромному числу священников отправлять службы. При этом, правительство, экономические элиты, армия и даже могущественная соседняя держава (США) – все были на одной стороне. Тем не менее, возмущение антиклерикальной реформой было столь велико, а поддержка восставших столь широкой, что за восстанием последовала гражданская война.

Заметим, что гораздо более радикальные антицерковные акции большевистского правительства в Советской России не вызвали подобной волны протестов и восстаний, что говорит многое о положении и роли церкви, отношениях между священнослужителями и паствой в тогдашних российском и мексиканском обществах.

Что может привести к гражданской войне даже в условиях консолидации власти, элит и военной силы государства? У восставших есть следующие возможности: создать собственную армию, максимально расширить и усилить партизанское движение, посеять разлад в правительственные войсках и привлечь их части на свою сторону, прибегнуть к иностранной помощи. Впрочем, ничто не мешает совмещать эти приемы. Если правительственные силы слабы, нерешительны, а восставшие мобилизуют и организуют свою достаточно мощную и мотивированную армию, тогда власть свергают и гражданской войны не происходит. В более частых случаях восстания и слабые ополчения мятежников подавляются правительственными войсками. Таким образом, для гражданской войны требуется некая паритетность. Что это означает?

Известны составляющие успешной военной силы: эффективная организация (с штабом, стратегией, координацией действий между подразделениями), количество и качество офицеров и бойцов (опыт, подготовка, мотивация, дисциплина), вооружение, стратегическое положение, снабжение и способность к восстановлению потерь (рекрутированию новых бойцов, производству или закупке вооружения, боеприпасов). Если какие-то ингредиенты военной силы больше на одной стороне, другие – больше на другой, иными словами, есть некий паритет, то военные действия не завершаются разом за 1–2 боя, но затягиваются, что и означает развязывание войны. Итак, требуется фактор *Паритетности сил (P)*.

Обозначим гражданскую войну буквой *W*.

Построим таблицу по соединенному методу сходства и различия. Наличие и отсутствие признака здесь обозначаются как 1 и 0.

	Неприемлемый радикализм R	Консолидация C	Паритетность сил P	Гражданская война W
Россия-2 (после Октябрьского переворота)	1	0	1	1
Турция (хартленд Османской империи)	1	0	1	1
Венгрия	1	0	1	1
Финляндия	1	0	1	1
Мексика	1	1	1	1
Россия-1 (после Февральской революции)	0	0	0	0
Италия	1	1	0	0
Германия	1	1	0	0

В соответствии с методом Ч. Рэгина обозначим большими буквами наличие признака, малыми – отсутствие. Построим формулы Булевой алгебры для случаев наличия и отсутствия гражданской войны, где знак «+» (логическое сложение) означает нестрогую дизъюнкцию, а объединение букв в блоки (логическое умножение) – конъюнкцию. Каждая строка в таблице (значения факторов в соответствующем случае) преобразуется в один блок.

Получаем следующее выражения для первых четырех «позитивных» случаев (произошла гражданская война):

$$RcP+RcP+RcP+RcP + RCP = W$$

$W = RP (c+C) = RP$ (тавтологии в скобках сокращаются, поскольку признак считается нерелевантным).

Иными словами, на основе обобщения данных случаев правомерна следующая гипотеза. Для возникновения гражданской войны необходимы и достаточны R – радикализм хотя бы одной стороны, не приемлемый для другой, и P – военный паритет между силами сторон.

Сложнее ситуация со случаями отсутствия гражданской войны (притом, что в каждом либо произошла революция, либо имели место бурные революционные события).

$$rcp+ RCp + RCp = w$$

Здесь, как обычно, общие множители выносятся за скобки.

$$w = p(rc + RC + RC)$$

Таким образом, формулируется следующая гипотеза. После революций или революционных событий, угрожающих свержением власти, гражданская война не возникает при

p – отсутствии военного паритета между силами сторон (необходимое условие), в то же время могут иметь место либо отсутствие неприемлемого радикализма вместе с отсутствием консолидации между властным центром, экономическими элитами и лояльным аппаратом (rc – случай Февральской революции) либо совмещение радикализма с консолидации (RC – случаи подавления Ноябрьской революции и позднейших восстаний в Германии, подавления движения захвата фабрик и рабочих мятежей в Италии).

Линии модернизации как факторы и следствия революций

Поскольку все государства и общества, участвовавшие в Первой мировой войне, переживали тот или иной этап модернизации, значимо также, какую роль сыграли революции в основных аспектах (линиях) модернизации. Под *модернизацией* здесь будем вслед за Р. Коллинзом понимать совокупность следующих относительно долговременных линий – автономных исторических процессов⁶:

– *бюрократизация* (рост и разветвление государственных структур, берущих на себя функции прежних традиционных – патриархальных и общинных – институтов);

⁶ Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002. Гл. 4-5. [Collins, R. Sotsiologija filosofii: global'naia teoriia intellektual'nogo izmenenija (Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change). Novosibirsk: Sibirskii Khronograf, 2002. Ch. 4-5]

– *секуляризация* (вытеснение церкви и религии с центральных позиций в сфере культуры, морали, легитимации власти, образования и проч.);

– *капиталистическая индустриализация* (распространение машинного производства при использовании открывающихся рынков капитала, земли и рабочей силы);

– *демократизация* (развитие коллегиального разделения власти, конституционализма и расширения избирательного права).

В дополнение к теме секуляризации добавим еще один момент:

– *рост творческой свободы в культурном производстве, ведущий к беспрестанному обновлению стилей и жанров* (авангардизму в широком смысле), когда происходят частичные возвраты к прежним традициям, их синтез, рефлексия над ними, ирония, но не ригидное окостенение канонов.

Разумеется, все эти линии играли свою роль также в созревании предпосылок и причин революций в каждом обществе: напряжений, дисбалансов, противоречий, конфликтов. Модернизация, с одной стороны, «пробивала себе дорогу» через революции, с другой стороны, вела к международным и внутривнутриполитическим кризисам, к войнам, к соответствующему ослаблению и делегитимации государств, что способствовало революциям, которые либо вели к дальнейшей модернизации обществ, либо сталкивали их в контрмодернизацию по одной, нескольким или даже по всем линиям.

Рассмотрим причины сходств и различий по отдельным линиям модернизации в революциях и их последствиях в 1917–1927 гг.

Религия и революция

В двух бывших империях – Османской и Российской – революции проводились с явными секулярными, антиклерикальными программами. При победе революций установились весьма секулярный (для мусульманского мира) кемалийский режим в Турции и после Гражданской войны коммунистический режим в СССР с массовым разрушением церквей, репрессиями против священнослужителей, принудительным атеизмом.

По контрасту, в революционной борьбе за национальное освобождение в Польше и Ирландии религиозная (в обоих случаях, католическая) идентичность была важным фактором солидарности и решимости к политическим действиям, в том числе, решимости умирать и убивать за освященную общей верой Родину.

Разумеется, важнейшее обстоятельство – положение церкви и/или религиозных элит в конфликтной ситуации. Если они тесно связаны (обычно в роли главных легитиматоров) и жестко ассоциируются с властью и режимом, против которых направлена революция, тогда идеология протеста и революции в данном аспекте будет либо иноконфессиональной (как поляки против российского православия, ирландцы против британского протестантизма), либо секуляристской (как в кемалийской революции), либо атеистической (как у большевиков). Наоборот, притесняемая режимом, чужими элитами религия, воспринимаемая как объединяющее начало народа, жаждущего освобождения, национального суверенитета (католичество у поляков и ирландцев) непременно войдет в состав революционной идеологии, а при победе соответствующая церковь укрепит позиции и станет одним из главных легитиматоров нового режима и новой власти (что и произошло в обоих случаях).

Таким образом, революции, всегда в той или иной мере, являющиеся результатами напряжений и дисбалансов, порожденных модернизацией, вовсе не обязательно движут модернизацию вперед в аспекте секуляризации. В рассмотренных случаях только кемалийская революция стала однозначно модернизационной: религия в Турции не была запрещена, но была вытеснена с центральных позиций в общественной и политической жизни, в образовании и интеллектуальной сфере⁷. При революцион-

⁷ Ушаков А.Г. Феномен Атаатюрка. Турецкий правитель, творец и диктатор. М.: Центрполиграф, 2002. [Ushakov, A. G. Fenomen Ataturka. Tureckiy pravitel, tvorets i dictator (The Atatürk Phenomenon. The Turkish Ruler, Creator and Dictator). Moscow: Tsentrpoligraf, 2002.]; Проявившаяся в последние десятилетия и особенно в последние годы хрупкость секулярных завоеваний Кемаля указывает не только на

ном завоевании национальной независимости религия и церковь ожидаемо укрепились в Польше и Ирландии. Принудительный государственный атеизм в СССР, а также радикальная антиклерикальная реформа в Мексике⁸ не продвигали секуляризацию (предполагающую свободу совести, свободу создания религиозных и атеистических организаций, отсутствие какого-либо принуждения в школах в этих вопросах, частный характер веры каждого гражданина), но обращали ее вспять. Не удивительно, что в Мексике католичество во многом восстановило свое влияние, даже после подавления *кристерос*, в посткоммунистическую эпоху православный клерикализм в центральной России, мусульманство и буддизм в ее национальных анклавах набирают силу. Надежно блокирует клерикализм именно глубоко институционализированная секуляризация. Принудительный советский атеизм, верхушечная кемалийская секуляризация с опорой на армию, скандальный антиклерикальный радикализм в Мексике оказались слабыми барьерами для реванша религии.

Быстрое поражение советских республик в Ирландии («Советский Лимерик») и Венгрии (1919–1920 гг.) во многом было связано с религиозным аспектом, хотя и с кардинальными отличиями. По свидетельству очевидцев, восставшие ирландцы-лимерикцы были вполне небожными, чем и воспользовались власти, сумевшие через епископа уговорить лимерикцев сдать город.

недостаточный масштаб преобразований (до деревни секуляризация толком не добралась), но и на институциональную слабость соответствующей политики. Возможно, ставка в секуляризации преимущественно на армию и военных была хоть и эффективным поначалу, но недостаточным ходом.

⁸ Платошкин Н.Н. История Мексиканской революции. Выбор пути 1917–1928 гг. – М.: Университет Дмитрия Пожарского: Русский Фонд содействия образованию и науке, Т. 2., 2011. [Platoshkin, N. N. Istoriya Meksikanskoj revolyucii. Vybor puti 1917-1928 (The History of the Mexican revolution. The Choice of the Path 1917-1928). Moscow: Dmitry Pozharsky University: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. Vol. 2, 2011.]

Напротив, правящее ядро, наиболее активные деятели Советской Венгерской республики были яркими атеистами (к тому же евреями), что сыграло роль в их конфликтах с традиционалистским крестьянством, в поддержке подавления Советской республики армией возглавленной Хорти. Сам Хорти был приверженцем консерватизма, что тогда в Венгрии означало поддержку католической веры. Он говорил, что «прощает грешную столицу» (вполне религиозный дискурс в политике), а все учащиеся в период его правления должны были ежедневно произносить клятву, первые слова которой были «Я верю в Бога!».

Заметим, что при кардинальных различиях ситуаций именно религия и религиозность (в обоих случаях, католические) сыграли значительную роль в подавлении советских республик: посредством мирного «уговора» в Лимерике и жестокого военного (с последующим «белым террором») в Венгрии.

Ситуации в Ирландии и Венгрии противостоят триумфальной победе атеистического большевизма в России. Заметим, что во всех трех случаях уровень модернизации по линии секуляризации был невысоким. Более религиозным и консервативным оставался Лимерик, что и обусловило вполне мирное окончание лимерикского советского восстания в религиозном же окружении.

Революционные лидеры и активисты России и Венгрии, как правило, выходцы из образованного класса с немалой долей ранее маргинализованных инородцев (евреев в обоих случаях, а также грузин, поляков, латышей в России) были жестко настроены против доминировавших при прежних режимах церквей (православной и католической, соответственно). В России они выиграли, а в Венгрии проиграли уже из-за множества политических и военных причин. Но отметим, что для обоих случаев характерен крайне высокий уровень взаимного насилия и жестокости («красный террор» и «белый террор»), причем отвержение религии и церкви «красными» и консервативная религиозность среди «белых» также внесли вклад в во взаимное отчуждение и обрушение планки допустимого в жестокости и массовости насилия.

Творческий авангард в России и Германии 1910–1920-х гг.: связь с войной, революцией и модернизацией

Новшества всегда появлялись в культуре, но в эпохи традиционализма они рядились в одежды «возрождений», «обращения к истокам», разрешенной иноземной экзотики и комментаторства⁹. Культурный аспект модернизации, родственной секуляризации – оттеснению религии, всегда державшейся за каноны, состоит в легитимации новаторства, то есть в утверждении законности, значимости, привлекательности новых стилей, приемов, тем, жанров в искусстве и литературе, причем именно как новшеств, в той или иной мере противопоставленных традиционным формам.

Авангардизм является не просто новаторством, главная идейная направленность художественного авангарда в узком смысле – принципиальное отвержение прежних традиций, претензия на открытие совершенно новой, небывалой эпохи в творчестве.

Если первопроходец – итальянский авангардизм в форме футуризма – в значительной мере ослаб во время Первой мировой войны и угас к концу 1920-х гг., то различные течения русского, советского авангарда и немецкого экспрессионизма (включая австрийский) расцветали¹⁰. Они по праву оцениваются как наиболее значительные явления в европейской художественной культуре бурных первых десятилетий XX века. Рассмотрим их сходства, различия и попробуем

выявить причины особенностей в контексте войны, революции и модернизации.

Известные общие черты включают антибуржуазность, идеи конца эпохи, истеричности прежнего этапа цивилизации, отвержение академических, классических канонов, смелые эксперименты с формой, цветом, беспредметностью, направленность на шок, сильные эмоции, отнюдь не обязательно приятные. Тесное сотрудничество русских и немецких художников (в частности, воплотившееся в знаменитом альманахе «Синий всадник» под редакцией В. Кандинского и Ф. Марка) не было случайностью. «Обе нации разделяли комплекс неполноценности по отношению к остальной Европе и мессианское чувство превосходства»¹¹.

По словам К. Хиллера для экспрессионизма важны содержание, воля, нравственность. Протестная и этическая (в том числе, негативистская, брутальная, отвергающая) направленность была характерна и для части русского авангарда, прежде всего, футуризма, например в творчестве Д. Бурлюка и В. Маяковского. Сходны также закат русского авангарда уже в начале 1920-х гг. с последующим переходом остатков в подполье либо в «производственное» и даже сервильное искусство¹², и острые конфликты, раскол, упадок экспрессионизма с приходом в Германию нацизма в 1930-е гг.

При всем этом имеются серьезные расхождения. По неясным причинам в России начала XX в. особенно больше развитие получила систематическая работа с формой, техникой, приемами (наиболее ярко у В. Хлебникова, А. Крученых, В. Кандинско-

⁹ Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002 [Collins, R. Sotsiologiya filosofii: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya (Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change). Novosibirsk: Sibirskii Khronograf, 2002]

¹⁰ За несколько лет в Германии было издано более 100 экспрессионистских альманахов и сборников. Хренов Н.А. Возвращаясь к экспрессионизму: экспрессионизм и русская культура // Культура и искусство. – 2013. – № 3(15). – С. 328. [Khrenov, N. A. Vozvrashchayas k ekspressionizmu: ekspressionizm i russkaya kultura (Returning to Expressionism: Expressionism and Russian Culture) // Kultura i iskusstvo, 2013, No. 3(15), p. 328.]

¹¹ Туровская М. О выставке и каталоге. В кн.: Москва–Берлин. 1900–1960. – М., 1996. – С. 12. [Turovskaya, M. O vystavke i kataloge (On the Exhibition and Catalogue). In: Moscow–Berlin. 1900–1960. Moscow, 1996. P. 12.]

¹² Адашкина Н. Закат авангарда в России. В кн.: Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н.И. Харджиева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 148–158. [Adaskina N. Zakat avangarda v Rossii. In.: Poeziya i zhivopis: Sb. trudov pamyati N. I. Hardzhieva (Decay of the Avant-garde in Russia. In: Poetry and Painting: Works for Memory of N. I. Khardzhiev. Moscow: Yazyki russkoy kulturi, 2000. Pp. 148–158.)]

го и К. Малевича, позже у А. Введенского, П. Филонова).

«Исторически сложилось так, что художественно-профессиональным содержанием и родовой чертой русского авангарда во всех его разнообразных ответвлениях: от неопрimitивизма до конструктивизма, от Ларионова и Шевченко до Родченко и К. Иогансона – было выявление самоценности пластической формы и исследование, интуитивно-художественное или сознательно-экспериментальное, граничащее с научным, законов ее построения и воздействия [...] В середине 10-х гг. русский формальный эксперимент в своей первой стадии был доведен до логического конца: Малевич, Татлин, Ларионов, Кандинский и их последователи в принципиально разных вариантах освободили изобразительное искусство от изобразительности. «Дойдя до нуля» и «перейдя за нуль», по выражению Малевича, русские авангардисты превратили затем свое творчество в школу, а точнее, в высший институт научно-художественной, аналитической, экспериментальной работы с формой»¹³.

На поверхности лежат те различия, что вызваны разным выходом из войны, поражением Ноябрьской революции 1918 г. в Германии и победой большевиков в России, принципиально разными политическими и экономическими условиями творчества в Веймарской Германии и СССР. Глубокий социальный пессимизм немецкого экспрессионизма контрастирует с искренним оптимизмом раннего советского авангарда, с его настроением на построение совершенно нового, свободного и справедливого общества.

Богатейшее разнообразие стилей и течений немецкого экспрессионизма связано с весьма дифференцированной материальной основой творчества, широкими рынками культурного потребления в Германии и Ев-

ропе. Неуклонное сужение стилей, жанров, направленности советского авангарда уже в 1920-х гг. было связано с монополизацией ресурсов государством. НЭП (с «нэпманами» как средним слоем) не смог или не успел оказать достаточную поддержку. Произошло свертывание авангарда к нескольким областям приложения, прежде всего, в революционном театре и агитации (до начала сталинского «упорядочения» советской культуры), в архитектурных проектах (в большинстве – оставшихся на бумаге) и в прикладном искусстве.

Отношение экспрессионизма к миру хорошо передает стихотворенье «Поэт» И. Р. Бехера из его книги стихов «Распад и торжество» (Берлин, 1914):

Мечу я пламя в Господа и мир,
Плюя презренье, мор, измену, яд.
Мне вспучивает мускулы мятеж.
Я акробатом в цирке распинаясь,
Под пулями режусь и под ножом.

(перевод Н. Останина)

Формула «распад и торжество» – образно и концептуально богатая метафора. «Распад» выражает отношение к отжившему, отвратительному, развращенному, несправедливому миру, а «торжество» – визионерские мечты о новом прекрасном свободном мире всеобщего единения.

В связи с революционными событиями эта пара обрела идейное, социально-политическое содержание. В обеих странах прежний ненавистный мир стал ассоциироваться с поверженной монархией и будто бы отживающим капитализмом, «буржуазностью». После поражения революции в Германии и при становлении Веймарской республики никакого «прекрасного нового мира» немецкие экспрессионисты уже не видели, с этого времени преобладают настроения пессимизма, отчаяния, «крика». Парадоксально, что при обилии творческих союзов, кружков это движение было весьма плодотворно, богато талантами и шедеврами, на которые, очевидно, имелся спрос в том самом хулимом «буржуазном обществе». С другой стороны, социальный и мировоззренческий пессимизм экспрессионистов той эпохи явно не был надуманным. Накла-

¹³ Адашкина Н. Закат авангарда в России. В кн.: Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н. И. Харджиева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 148. [Adaskina N. Zakat avangarda v Rossii. In.: Poeziya i zhivopis: Sb. trudov pamyati N. I. Khardzhieva (Decay of the Avant-garde in Russia. In: Poetry and Painting: Works for Memory of N. I. Khardzhiev. Moscow: Yazyki russkoy kulturi, 2000. P. 148.]

дывались друг на друга травма поражения, унижение на международной арене, растущее неравенство, надвигающаяся экономическая депрессия – те же беды, по причине которых вырос и победил в начале 1930-х гг. гитлеризм.

Победа революции и становление советского государства с коммунистическим режимом в России пробудила грандиозные надежды¹⁴. Художники и писатели работали на будущее «неизбежное» торжество всемирного коммунизма.

«Революционный пафос «разрушения старого мира», безусловно, подогрел экстремистские тенденции художественного авангарда. Дело здесь, видимо, в том, что на какое-то время возникла иллюзия, будто могут быть осуществлены, могут стать законом жизни массы людей те фантастические идеи и формулы, изобретенные авангардом в пору его подспудного, оппозиционного по отношению к общепринятым ценностям существования, которые ранее воспринимались не вполне серьезно, как метафора, художественная игра, форма эпатажа: идеи возвращения к естественным и здоровым нормам через отказ от ценностей буржуазной цивилизации или идеи организации, урбанизма – в общем, идеи резкого усовершенствования самого человека и его отрыва от привычных форм жизни»¹⁵.

Затем последовало столкновение с реальными трудностями. Фактически единственным платежеспособным заказчиком авангардистских работ было государство, но уже в начале 1920-х гг. стала проявляться стена непонимания и отчуждения, а с середины десятилетия – откровенное неприятие

авангардизма со стороны большевистской власти, что заставило одних эмигрировать (как Кандинский), а других – уходить в «подполье» (как Филонов).

Любопытно, что исполненное трагизма разочарование во внутренних проблемах (обновление форм явно забуксовало, начались идейно неприемлемые для авангарда академизация и эстетизация) и во внешних трудностях социального и политического порядка привели русских авангардистов к экспрессионизму, возврату к значимости содержания, эмоций, представлению человека как живого человека, а не элемента формальных конструкций, как было ранее. Здесь наблюдается вполне закономерная конвергенция с немецким экспрессионизмом после нескольких лет расхождения.

Авангард – самое радикальное творческое движение в русле модернизации, поскольку наиболее последовательно и непреклонно отвергает прежние культурные достижения. При всей сложности сходящихся, пересекающихся и расходящихся путей развития русского (затем советского) и немецкого авангарда важнейшим макросоциальным феноменом является их распад и гибель, а вовсе не торжество. В обоих случаях сыграла роль не культурная, а политическая динамика: в Германии и СССР победили тоталитарные режимы. Несмотря на их отдельные современные и даже прогрессивные черты (развитие науки и образования, постройка каналов и ГЭС в СССР, первой сети автобанов в Германии), это были контрмодернизационные режимы, причем не только в своем антидемократизме, но и в сфере культурного творчества. Псевдоантичный классицизм при Гитлере и «сталинский ампиризм» – яркие символы этого разворота вспять.

Крайне любопытными, но трудными для анализа случаями являются также относительные успехи демократии в послевоенных Чехословакии и Германии при установлении жестких диктатур фашистского типа в Венгрии и Италии. Относительно устойчивости/хрупкости постреволюционных режимов релевантными случаями для сравнения являются относительно устойчивые режима разного типа в Турции, Финляндии, Польше, Ирландии, Венгрии, с одной стороны,

¹⁴ Великая утопия. Русский и советский авангард 1915–1952. – Берн-Москва, 1995. [Velikaya utopiya. Russkiy i sovetskiy avangard 1915–1952 (Great Utopia. The Russian and Soviet Avantgarde of 1915–1952. Bern-Moscow, 1995.)]

¹⁵ Адашкина Н. Закат авангарда в России. В кн.: Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н.И. Харджиева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 153. [Adaskina N. Zakat avangarda v Rossii. In.: Poeziya i zhivopis: Sb. trudov pamyati N. I. Hardzhieva (Decay of the Avant-garde in Russia. In: Poetry and Painting: Works for Memory of N. I. Khardzhiev. Moscow: Yazyki russkoy kulturi, 2000. P. 153.)]

и соскользнувшие к тоталитаризму Италия, Германия и СССР – с другой. Оставим эти проблемы для дальнейших исследований.

Итак, полемогенная волна революций, вызванная Первой мировой войной, показала себя своего рода «лабораторией» для выявления закономерностей и причин, ведущих к различным результатам. Оправдал себя метод исторических сравнений с использованием логических и формальных приемов. Выдвинутые гипотезы теперь могут быть проверены и скорректированы на более широком историческом материале.

Литература:

Адашкина Н. Закат авангарда в России. В кн.: Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н. И. Харджиева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 148–158.

Великая утопия. Русский и советский авангард 1915–1952. – Берн-Москва, 1995.

Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. – 2006. – № 5. – С. 58–103

Дэвис Н. История Европы. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.

Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002.

Коллинз Р. Макрористория: опыты социологии большой длительности. – М.: УРСС, 2015.

Платошкин Н.Н. История Мексиканской революции. Выбор пути 1917-1928 гг. – М.: Университет Дмитрия Пожарского: Русский Фонд содействия образованию и науке, Т. 2., 2011.

Разработка и апробация метода теоретической истории. Серия “Теоретическая история и макросоциология”. Вып. 1. – Новосибирск: Наука, 2001.

Розов Н.С. Революционные волны в мировой истории: динамические модели роста и угасания // ЭКО. – 2016. – № 10. – С. 78–95.

Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы. – Новосибирск: НГУ, 2009.

Туровская М. О выставке и каталоге. В кн.: Москва–Берлин. 1900–1960. – М., 1996.

Ушаков А.Г. Феномен Атаютюрка. Турецкий правитель, творец и диктатор. М.: Центрполиграф, 2002.

Хренов Н.А. Возвращаясь к экспрессионизму: экспрессионизм и русская культура // Культура и искусство. – 2013. – № 3(15). – С. 328–343.

Beck, C.J. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention // *Social Science History*, 2011, Vol. 35(2), pp. 167-207.

Collins, Randall. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. Stanford University Press, 2000.

Collins, Randall. Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Harvard University Press, 1999.

Davis, Norman. Europe: A History. Oxford University Press, 1996.

Goldstone, Jack A. Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory // *Annual Review of Political Science*, 2001, No. 4. Pp. 139-187.

Katz, M. Revolutions and Revolutionary Waves. Palgrave Macmillan, 1999.

Ragin, Ch. Constructing Social Research. Pine Forge Press, 1994.

Unione Sindacale Italiana tra sindacalismo di base e trasformazione sociale // *Quaderni di Lotta di Classe*, 1997, No. 1. Mode of access: <http://aitrus.info/node/168>. <http://aitrus.info/node/168>

References:

Adaskina, N. Zakat avangarda v Rossii. In.: Poeziya i zhivopis: Sb. trudov pamyati N. I. Hardzhieva (Decay of the Avant-garde in Russia. In: Poetry and Painting: Works for Memory of N. I. Khardzhiev. Moscow: Yazyki russkoy kulturi, 2000. Pp. 148-158.

Beck, C.J. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention // *Social Science History*, 2011, Vol. 35(2), pp. 167-207.

Collins, Randall. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. Stanford University Press, 2000.

Collins, Randall. Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Harvard University Press, 1999.

Davis, N. Istoria Evropy (A History of Europe). Moscow: AST: Tranzitkniga, 2005.

Davis, Norman. Europe: A History. Oxford University Press, 1996.

Goldstone, Jack A. Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory // *Annual Review of Political Science*, 2001, No. 4. Pp. 139-187.

Katz, M. Revolutions and Revolutionary Waves. Palgrave Macmillan, 1999.

Khrenov, N.A. Vozvrashchayas k ekspressionizmu: ekspressionizm i russkaya kultura (Returning to Expressionism: Expressionism and Russian Culture) // *Kultura i iskusstvo*, 2013, No. 3(15), pp. 328-343.

Platoshkin, N.N. Istoriya Meksikanskoj revolyucii. Vybor puti 1917-1928 (The History of the Mexican revolution. The Choice of the Path 1917-1928). Moscow: Dmitry Pozharsky University: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. Vol. 2, 2011.

Ragin, Ch. Constructing Social Research. Pine Forge Press, 1994.

Razrabotka i aprobaciya metoda teoreticheskoy istorii. Seriya ‘Teoreticheskaya istoriya i makrosociologiya’ (Development and Approbation of the Method of Theoretical History. A series of ‘Theoretical History and Macrosociology’). Vol. 1. Novosibirsk: Nauka, 2001.

Rozov, Nikolai S. Istoricheskaya makrosociologiya: metodologiya i metody (Historical Macrosociology: Methodology and metHods). Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2009.

Rozov, Nikolai S. Revolyucionnie volni v mirovoy istorii: dinamicheskie modeli rosta i ugasaniya (Revolutionary Waves in the World History: Dynamic Models of Growth and Extinction) // *ECO*, 2016, No. 10, pp. 78-95.

Turovskaya, M. O vystavke i kataloge (On the Exhibition and Catalogue). In: Moscow–Berlin. 1900-1960. Moscow, 1996.

Unione Sindacale Italiana tra sindacalismo di base e trasformazione sociale // *Quaderni di Lotta di Classe*, 1997, No. 1. Mode of access: <http://aitrus.info/node/168>. <http://aitrus.info/node/168>

Ushakov, A.G. Fenomen Ataturka. Tureckiy pravitel, tvorets i dictator (The Ataturk Phenomenon. The Turkish Ruler, Creator and Dictator). Moscow: Tsentrpoligraf, 2002.

Velikaya utopiya. Russkiy i sovetkiy avangard 1915-1952 (Great Utopia. The Russian and Soviet Avant-garde of 1915-1952. Bern-Moscow, 1995.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-4-5-19>

THE POLEMOGENIC WAVE OF 1917–1927 REVOLUTIONS AS A HISTORICAL LABORATORY

Nikolai S. Rozov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Novosibirsk State Technological University, Novosibirsk, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 17 August 2017</p> <p><i>Accepted:</i> 19 December 2017</p>	<p>Abstract:The main link between revolutions in a polemogenic wave is participation of correspondent states in a common war (Πόλεμος – war, Γέννηση – birth). The polemogenic wave caused by the First World War includes successful revolutions (with the change of power) in Russia, Germany, Hungary, the success of some national liberation movements of Irish people, Czechs, Slovaks, South Slavs, Poles, Finns, the defeat of such movements of Ukrainians, Georgians, Armenians, peoples of Turkestan, the establishment of regimes of various types and with different stability. The article presents an approach to identify causes of different types of dynamics and the consequences of revolutionary events in within the wave. The approach includes comparisons using methods of similarity and difference, as well as the application of binarization and Boolean algebra according to Ch. Ragin’s method. The application of this approach makes it possible to put forward hypotheses about causes and patterns of revolutionary dynamics and consequences in the polemogenic wave: what determines inclusion of a society into the wave, the level of loyalty of ethnic provinces in relation to their empire, success and failure of revolutions, existence and absence of civil war, relationship between revolution and religion, nature and fate of the cultural avant-garde.</p> <p><i>Acknowledgements: The article is prepared with support of the Russian Foundation for Basic Research, No. 16-03-0031</i></p>
<p>About the author:</p> <p>Dr. of Philosophy, Professor; Leading Research Fellow, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Acting Head of the Department for Social Philosophy and Political Science, Novosibirsk State University; Professor, Department for International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technological University</p> <p>e-mail: nrozov@gmail.com</p>	
<p>Key words:</p> <p>revolutionary waves; polemogenic waves; modernization; civil war; secularization; empires; cultural avant-garde; comparative-historical approach, logical methods in social studies</p>	

Для цитирования: Розов Н.С. Полемогенная волна революций 1917-1927 гг. как историческая лаборатория // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 4. – С. 5-19.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-5-19

For citation: Rozov, Nikolai S. Polemogennaia volna revoliutsii 1917–1927 gg. kak istoricheskaia laboratoriia (The Polemogenic Wave of 1917-1927 Revolutions as a Historical Laboratory) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 4, pp. 5-19.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-5-19